

За обедом Сун Яньси, едва сев, не смог сдержать недовольства, сердито посмотрев на Нин Юя несколько раз.

Нин Юань и папа Нин, увидев эту сцену, обменялись понимающими взглядами, продолжая спокойно есть. Они были рады, что молодожены так хорошо ладят.

Нин Юй и Сун Яньси думали, что их не замечают, продолжая свои маленькие шалости под столом. Но старшие притворялись, что ничего не видят, ведь сами когда-то использовали такие же уловки. Молодежь была полна энергии, они спорили и ссорились, но в их взглядах сквозила нежность, что напомнило старшим их молодость.

После обеда Сун Яньси, воспользовавшись тем, что Нин Юань еще не ушел в лагерь, достал сделанные им туфли.

Нин Юй с тоской наблюдал, как его отец и папа, смеясь, рассматривали обувь, а Сун Яньси предлагал им примерить и сказал, что внесет изменения, если что-то будет неудобно. На туфлях были вышиты узоры, сделанные Сун Яньси, изящные и красивые.

Нин Юй ждал и ждал, убедившись, что в руках Сун Яньси больше ничего не осталось.

Папа Нин, заметив выражение лица Нин Юя, намеренно похвастался:

— Руки Яньси такие умелые, все, что он делает, красиво и удобно.

Видя, как Нин Юй хмурится и выглядит обиженным, папа Нин внутренне смеялся. Он давно не видел, чтобы Юй так расстраивался. Это выражение обиды и досады было просто очаровательно.

Нин Юй последовал за Сун Яньси, его взгляд, полный укора, был направлен на него.

— Сун Яньси, а где мои?

— У тебя много туфель.

— Но их не ты сделал.

— Какая разница? К тому же, те туфли лучше, чем мои.

— Нет, — Нин Юй раздраженно провел рукой по волосам, — как они могут сравниться с твоими?

Сун Яньси выглядел равнодушным, но в душе был польщен. Видя, как Нин Юй переживает, он невольно задумался о том, что мог бы сделать для него. В конце концов, это было бы несложно, и Нин Юй перестал бы его донимать.

Теперь, когда они переступили через невидимую грань, Нин Юй без стеснения достал книгу Сун Яньси и показал ее ему:

— Сун Яньси, я хочу изучить твои другие книги. Какая тебе нравится?

...

— Какие еще книги?

Нин Юй потряс книгой в руке:

— Вот такие, с картинками. Эта была спрятана у тебя на полке. Где остальные?

Его выражение лица ясно говорило: «Так ты, оказывается, тайком смотришь такие книжки?»

Лицо Сун Яньси покраснело, как цветок персика, от стыда и гнева:

— Ты врешь, у меня нет таких книг. Это ты их спрятал. Это ты любишь такие вещи.

Нин Юй с невинным видом:

— Мне нравится. А тебе разве нет? Ведь это так приятно, ты же...

Сун Яньси закрыл ему рот рукой:

— Молчи.

Сун Яньси выглядел грозно, и Нин Юй послушно кивнул, даже лизнув его ладонь.

Сун Яньси спрятал руку за спину:

— Ты... ты бесстыдник.

Сун Яньси, растерянный и взъерошенный, выглядел особенно мило, совсем не так, как раньше, когда он казался холодным и безжизненным.

Нин Юй, глядя на такого оживленного Сун Яньси, был счастлив. К тому же, прошлой ночью он узнал еще один способ стать ближе к нему.

Сун Яньси, увидев улыбку на лице Нин Юя, замер. Он только что ругал его, почему же тот улыбается? Обычно он выглядел мрачным, а его улыбка была зловещей и казалась коварной.

Нин Юй обнял Сун Яньси:

— Сун Яньси, ты действительно милый, ты мне нравишься.

«Тук-тук-тук» — сердце Сун Яньси заколотилось. Нин Юй сказал, что он ему нравится?

Как Нин Юй может его любить? Это же обман! Нин Юй всегда его не любил, не хотел жениться на нем, даже смотреть на него не желал, его взгляд всегда был полон презрения. Сун Яньси не понимал, что он сделал не так.

— Ах! — Сун Яньси вскрикнул, когда Нин Юй взял его мочку уха в рот.

Сун Яньси чуть не свернулся в клубок, закрывая рукой ухо и заикаясь:

— Вернись на свое место, ты еще не занимался каллиграфией и не повторял уроки. Не ленись.

Сун Яньси выглядел серьезно, как маленький учитель. Нин Юй начал торговаться:

— Если я послушаюсь, будет награда?

— Какая награда?

— Если я днем буду слушать тебя, то вечером ты будешь слушать меня.

Сун Яньси, связав слова Нин Юя с их значением, опустил глаза и слегка кивнул.

Нин Юй, довольный, поднял подбородок Сун Яньси и крепко поцеловал его, затем с триумфом вернулся на свое место.

Но не прошло и минуты, как Нин Юй снова начал:

— Сун Яньси, у меня закончились чернила, подойди, помоги мне растереть их.

— А где твой слуга?

— У меня нет слуги.

Действительно, Нин Юй начал серьезно учиться только недавно, и у него никогда не было слуги.

— Ты сам не можешь растереть?

— В книгах говорится: «Красный рукав добавляет аромата». Чернила должны быть растерты такими красивыми, как ты, чтобы у меня был стимул писать.

Сун Яньси смотрел на него с недоверием, и Нин Юй объяснил:

— Подумай, если такие красавцы, как ты, будут тереть чернила, я буду писать больше, чернила закончатся быстрее, и ты снова появишься передо мной.

Льстец, сладкоречивый и хитрый.

Сун Яньси подошел и начал вращать чернильницу, его запястье было белым, как нефрит, а длинные тонкие пальцы красиво смотрелись на фоне черных чернил.

Нин Юй завороченно смотрел на руку Сун Яньси, рисующую круги.

Если бы Сун Яньси не был уверен, что его воспоминания реальны, он, возможно, поверил бы в этот образ Нин Юя. Разве он не страдал достаточно в прошлой жизни? Почему он снова начал думать, что Нин Юй надежен?

После этого они спокойно занимались своими делами. Нин Юй погрузился в свои занятия, а Сун Яньси вышивал на диване. Поскольку это было для Нин Юя, он выбрал красные нити и вышил большой цветок на туфлях, а на боковой стороне планировал сделать ряд маленьких цветочков, чтобы Нин Юй не смог их носить без стыда.

Две ночи подряд Нин Юй только ощупывал его сверху донизу, заставляя его самого раздвигать ягодицы, чтобы нанести лекарство, но не входил в него. Сун Яньси подумал, не испугался ли Нин Юй, что ему будет больно? Хотя он тоже чувствовал боль, Нин Юй был слишком трусливым, сам он не боялся.

— Сун Яньси, у тебя больше не болит попа?

Сун Яньси уставился на Нин Юя.

— Тогда давай изучим второй рисунок.

После обучения они оба тяжело дышали, Сун Яньси лежал на Нин Юе, его ягодицы массировались, и жидкость внутри постепенно вытекала, но у него не было сил на это обращать внимание.

— Сун Яньси, ты всегда лежишь, заставляя меня все время двигаться, это утомляет. Ты тоже должен прилагать усилия.

Сун Яньси проигнорировал его, закрыв глаза и притворившись мертвым.

Нин Юй погладил его талию и спину:

— Сун Яньси, ты слишком худой, тебя неудобно обнимать.

В прошлой жизни он посмотрелся на худобу и слабость Сун Яньси и всегда хотел откормить его.

Сун Яньси был возмущен и злился. Если ему неудобно обнимать, пусть обнимает кого-то другого. Сун Яньси, с временно онемевшей талией, едва сдвинулся, как увидел, как рука Нин Юя тянется к нему, но он не мог убежать.

Сун Яньси думал, что его талия снова будет согнута, но Нин Юй начал мягко массировать ее.

— Сун Яньси, у тебя слабая физическая форма. Тебе нужно тренироваться со мной, укреплять тело. Иначе мне всегда придется двигаться, это утомляет.

— Ты сам слаб, старший брат одной рукой справился с тобой, ты не продержался и трех ударов.

Нин Юй замолчал, и Сун Яньси немного пожалел. Мужчины не любят, когда им говорят, что они слабы. Не слишком ли он обидел Нин Юя?

— Сун Яньси, погоди, раньше я не тренировался как следует, но однажды я стану очень сильным. Даже отец не сможет меня победить.

Сун Яньси мысленно закатил глаза. Нин Юй, мечтающий победить отца, был таким наивным и милым, ха.

Нин Юй обнял Сун Яньси за талию, положив руку ему на плоский живот. Он посмотрел на лицо Сун Яньси и в воображении увидел его уменьшенную копию. Ребенок Сун Яньси наверняка будет таким же красивым, мягким и милым, с ослепительной улыбкой, и, обнимая его за ногу, сладким голоском будет звать папой.

<http://bllate.org/book/16680/1530506>